

ГУМАНИТАРНЫЙ ТРАКТАТ

научный журнал о гуманитарных науках

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.gumtraktat.ru

ISSN 2500-1159 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск № 143

КЕМЕРОВО 2024

06 мая 2024 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISSN 2500-1159

УДК 378.001

Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по гуманитарным наукам. Подробнее на www.gumtraktat.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.:

П.И. Никитин - главный редактор, ответственный за выпуск.

Н.В.Обелюнас - кандидат филологических наук, экс-преподаватель кафедры журналистики и русской литературы 20 века КемГУ, ответственный за финальную модерацию и рецензирование статей.

А.Е. Чурсина – редактор, ответственный за первичную модерацию и рецензирование статей.

С. А. Уталиев – доктор философских наук; Казахско-Русский Международный университет (КРМУ)

С. С. Жубакова - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и самопознания, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева

В.А. Макеев - кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин филиала Воронежского государственного технического университета в г. Борисоглебске

Е. В. Суровцева - кандидат филологических наук; Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

З. М. Мухамедова - доктор философских наук, кафедра социально-гуманитарных наук Ташкентский государственный стоматологический институт.

А. А. Бейсембаева - кандидат педагогических наук, профессор кафедры Педагогики и психологии Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана

Х. Б. Норбутаев - кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образования Термезский государственный университет

Г. М. Сыдыкова - кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кыргызского Национального университета имени Жусупа Баласагына

Д.Х. Исламова – доктор философии, Ташкентский государственный технический университет

С. С. Байсарина - кандидат педагогических наук, доцент Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева, профессор РАЕ.

А.О. Сергеева - ответственный администратор[и др.];

Научный журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации гуманитарных наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail: admin@idpluton.ru

Подписано в печать 06.05.2024 г.

Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. МЕТАФИЗИКА ЗЛА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ4
Шолохов А.Е., Волков М.П.
2. ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ...7
Шолохов А.Е., Волков М.П.
3. ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ10
Шолохов А.Е., Волков М.П.
4. О МЕСТЕ ЧЕЛОВЕКА И ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТЕЙ В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА МАКСА ШЕЛЛЕРА13
Аленьков М.В.
5. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ТЕКСТЕ16
Спирк Л.Г., Гарбузов М.И.
6. ЗАПРЕЩЕННЫЕ ПРИЕМЫ ВЕДЕНИЯ ПОЛЕМИКИ.....19
Спирк Л.Г., Безруков Н.А.

Шолохов А.Е.
Sholokhov A.E.

Студент II курса Ульяновского технического университета, г. Ульяновск

Волков М.П.
Volkov M.P.

науч. рук., д-р философ. наук, доцент, проф. Кафедры «Философия» УлГТУ, г. Ульяновск

УДК 111.84

МЕТАФИЗИКА ЗЛА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

METAPHISICS OF EVIL: BASIC APPROACHES

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные подходы к проблеме зла, постижение его природы, предпринимаемые в теологии и философии.

Annotation. This article examines various approaches to the problem of evil, comprehension of its nature, taken in theology and philosophy.

Ключевые слова: зло, метафизика зла, определение зла, концепция зла.

Key words: evil, metaphysics of evil, definition of evil, concept of evil.

Введение. Начиная с 1990-х годов концепция зла пережила философский «ренессанс». В современной философии зла элиминативный натурализм, типичный для начала двадцатого века, обычно отвергается, и зло рассматривается как несводимая концепция, необходимая для понимания нравственной жизни человека на практике.

Цель. Проанализировать основные подходы и проблемы зла, выявить их сущностные характеристики.

Основная часть. И. Кант ввел антинатуралистическую концепцию зла, которая также свободна от теологических презумпций [1, с. 23]. Чисто моральная концепция зла уязвима для генеалогической и морально-психологической критики Фридриха Ницше, в которой идея зла оценивается как субъективная, историческая и, в конечном счете, основанная на воле к власти. В качестве альтернативы чисто моральному взгляду на зло рассматривается метафизическая теория зла Фридриха Шеллинга.

В пантеистической концепции Ф. Шеллинга природа характеризуется как взаимодействие двух противоположных «направлений» Божьей воли: законного, телеологического и объединяющего «существования» и его «основы», которая описывается как слепое, эгоистичное стремление. Согласно Ф. Шеллингу, человеческая воля представляет собой специфическую открытую связь этих двух принципов, которая делает возможным зло как свободное решение подчинить существование его неподконтрольной основе. Главный аргумент заключается в том, что метафизическая теория зла Ф. Шеллинга может обеспечить более широкое понимание зла, чем чисто моральные теории зла, а также лучший ответ на натуралистическую критику Ф. Ницше. [4, с. 33]

Обращаясь к недавним исследованиям, в книге «Многоликое зло» Амели Оксенберг Рорти предлагает сложную шестикратную типологию метафизико-теологического подхода к злу:

- во-первых, существует только божественная благодать, в то время как зло – иллюзия. (то, что часто называют теодицеей);
- во-вторых, что существует некоторое зло, но последнее является лишь меньшей степенью или «лишением» добра (точка зрения, явно связанная со св. Августин);
- в-третьих, что добро и зло являются реальными и постоянно конфликтующими силами (то, что называется манихейством);
- в-четвертых, что человеческий разум постулирует совершенно рациональную вселенную, но признает зло как дилемму (точка зрения, приписываемая Канту);
- в-пятых, что зло реально, а мир – беспорядок (А. Шопенгауэр);
- в-шестых, что добро и зло сами по себе не что иное, как всего лишь три социальные конструкции (Т. Гоббс и, возможно, Ф. Ницше).

Напротив, Сьюзен Нейман в своей книге «Зло в современной мысли» приводит только два

основных типа аргументов, а именно аргументы, опирающиеся на «свободу с небес», и аргументы, направленные на «осуждение архитектора» [3, с. 46]. В то время как первые выдвигаются философами, прославляющими божественный или рациональный «порядок». Несмотря на то, что реальный жизненный опыт свидетельствует об обратном, вторым отдают предпочтение различные реалисты, пессимисты и циники. Фред Даллмайр подошел к проблеме по-другому. Он находит три категории, в которых традиционно доминирует обсуждение зла. Это – радикальный монизм, радикальный дуализм и третья категория, включающая спектр от модифицированного монизма до модифицированного дуализма.

Радикальный монизм утверждает, что конечная реальность, являющаяся отражением божественного или благожелательного творца, совершенна, а воспринимаемые несовершенства являются иллюзиями или результатом невежества. Эта теория в основном ассоциируется с Г. Лейбницем, но ее также можно найти в версиях христианского и неоплатонического «гнозиса». Прототипом радикального дуализма является манихейство, но его также можно найти в «гностицизме» и крайних пуританских теориях предопределения. Золотую середину между монизмом и дуализмом занимают неоплатонические и христианские мыслители, готовые признавать зло, но отдающие первенство божественной благодати.

Таким образом, рассматривая зло как простое «лишение» добра, Августин приближается к монистическому взгляду. Однако, настаивая на «греховности» человеческой природы и различии между небесным и земным градами, его теория скатывается к манихейскому дуализму.

Философ-моралист Г. Д. Макклоски предпринял попытку сопоставить известные теории и объяснения проблемы зла. Теисты предлагали различные объяснения проблемы зла. Некоторые люди считают зло реальным, а некоторые - нереальным или как лишение. Некоторые рассматривают это с моральной точки зрения, а некоторые обсуждали это как вопрос веры [5, с. 37]. Вот некоторые из выдающихся объяснений проблемы зла:

1. Зло как нереальное. Эту точку зрения обычно объясняют ссылкой на аналогию с искусством. Диссонанс в одной части симфонии создает большую гармонию и красоту в целом. Немногие теисты всерьез захотели бы утверждать, что моральное зло нереально, что это скорее иллюзия, чем реальность. Однако некоторые теисты утверждают, что боль на самом деле не является злом. Говорят, что наше мышление о том, что это зло, является результатом рассмотрения этого вне контекста. Если бы у нас был «взгляд Бога», мы бы увидели, что такое предполагаемое зло является ценной частью целого, которая усиливает красоту величественной, божественной мелодии. То есть, попытка решить проблему зла путем утверждения, что зло нереально, основывается на аргументе, который, будь он обоснован, просто предполагал бы, что зло может быть оправдано. Это аргумент, который большинство теистов сочтут необходимым отвергнуть из-за его шокирующих моральных последствий. И это неверно, потому что основано на ложной аналогии между эстетической оценкой и моральным суждением.

2. Зло как лишение. Точка зрения, согласно которой зло – это лишение надлежащего добра или правильного порядка. Это попытка найти золотую середину между утверждением, что это всего лишь иллюзия, и утверждением, что это полностью реально. Таким образом, есть надежда обойти трудность, связанную с необходимостью приписывать Богу сотворение зла как позитивную природу. Утверждается, что зло таково, что его природа заключается скорее в отсутствии добра, чем в наличии чего-то позитивного или присущего ему по сути. Зло реально. У этого есть своя собственная реальная природа. Это не просто лишение бытия или правильного порядка. И даже если бы это было так, проблема объяснения этого осталась бы, ибо грех и боль не становятся оправданными и не перестают быть проблемой только потому, что их описывают как лишение, а не как неотъемлемую природу.

3. Зло как реальное, но оправданное. В случае с моральным злом доминирует объяснение свободы воли. Моральное зло объясняется как следствие Божьего дара человеку свободной воли. Там, где речь идет о физическом зле, существуют объяснения зла как реального, но оправданного. Зло как средство достижения добра. Зло как неизбежное или как незаслуженное и неизбежное, но компенсируемое в загробной жизни. Философ и социолог К. Кэмпбелл предполагает, что, хотя некоторые действительно незаслуженно страдают в этой жизни, Бог не мог избежать таких страданий. Но Бог заглаживает такие страдания, даруя взамен радость в следующей жизни [2, с. 71]. Указывается, что физическое зло не следует объяснять как заслуженное наказание, ни как неизбежное страдание, которое компенсируется или не компенсируется в загробной жизни, ни как

оправданное средство достижения больших благ.

4. Моральное зло. Моральное зло обычно принимается как нечто реальное, а затем объясняется в терминах свободы воли. Теист утверждает, что Бог сотворил человека с даром свободы, но человек предпочел согрешить. Бог не мог предотвратить последнюю возможность, не отрицая свободной воли. Следовательно, Бог не является виновником греха. Ценность свободной воли (и/или благость моральных благ, которые она делает возможными) оправдывает зло, возникающее в результате неправильного использования человеком своей свободной воли.

5. Вера и зло. Часто утверждается, что с нашей стороны самонадеянно пытаться судить о Боге на основе нашего ограниченного человеческого разума. Если вера понимается как нечто такое, что улучшает нашу нравственную жизнь, это просто обостряет проблему морального зла. Утверждается, что вера может быть использована для объяснения или оправдания морального зла не больше, чем в качестве основы для преодоления проблемы страдания. Вера не является подспорьем для теиста в его попытке решить проблему зла. Проблема зла на самом деле усугубляется утверждением, что вера улучшает моральные качества.

Заключение. Зло, понимаемое как антитеза добру. Это становится моральным вопросом. И. Кант понимает зло в природе человека как волю, предрасположенность или склонность действовать в соответствии с максимами, противоречащими моральному закону. Если добро – это реализация ценностей, а зло – это разрушение ценностей. Зло – это серьезный неоправданный вред, причиняемый живым существам. Теологи путают факт с происхождением зла; теодицеи склонны путать факт с локусом зла. Единый низводит зло до статуса греха или производного от него; другой низводит зло до статуса несовершенства, согласно одному, не было бы зла, если бы не было порочности; согласно другому, не было бы зла, если бы не было ничего конечного. Первый прав, утверждая, что зло может быть результатом благой деятельности добрых существ, точно также, как второй прав, отмечая, что возникновение зла не зависит от духовных неудач.

Многие теологи и философы на протяжении веков задавались этим вопросом и ищут некоторые ответы. Часто задают вопрос, как добрый Бог мог создать мир со злом в нем, почему такое божество ничего не делает, чтобы помочь бороться с таким злом. У нас есть различные объяснения от религиозных людей и философов. Сама проблема возникает из-за определенных качеств, которыми религиозные верующие наделяют Бога, и последствий этих определенных наблюдений за миром.

Постижение зла имеет решающее значение для понимания морали. Философский подход к проблеме зла отличается от теологических подходов. У него есть потенциал для справедливого и объективного понимания проблемы, что расширит понимание данной проблемы.

Библиографический список:

1. Кант И. Трактаты и письма: Пер. с нем. / Отв. ред. Гулыга А.В. /И.Кант. -М.: Наука, 1980. - с. 709.
2. Сандулов Ю. Культ зла фактор десоциализации личности // Современ. зарубежн. философия: проблемы трансформации на рубеже XX-XXI вв. ЛО.Сандулов. - СПб, 1996. - с. 100.
3. William L. C. (2009) Ed. *Philosophy of Religion- A Reader and Guide* Edinburgh: University Press, - p. 233.
4. Schelling F. (2004) *First Outline of a System of the Philosophy of Nature*. Translated by Keith Peterson. USA: State University of New York Press, p. 351.
5. McCloskey H. J. (2012) *The Problem of Evil*. *Journal of Bible and Religion*, - p. 197.
6. Ramamurty A. (2002) *The Problem of Evil*. *Indian Philosophy of Religion*. New Delhi: Decent Books, - p. 301.

Шолохов А.Е.
Sholokhov A.E.

Студент II курса Ульяновского технического университета, г. Ульяновск

Волков М.П.
Volkov M.P.

науч. рук., д-р философ. наук, доцент, проф. Кафедры «Философия» УлГТУ, г. Ульяновск

УДК 130.2:2

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

PHILOSOPHY AND RELIGION IN THE MODERN WORLD: POINTS OF CONTACT

Аннотация. Обсуждается проблема взаимоотношений религии и философии в современном мире. Взаимоотношения рассматриваются на примере трудов известных философов н. XX в. – н. XXI в. Прослеживаются точки соприкосновения и слияния религии и философии в современном мире.

Annotation. The problem of the relationship between religion and philosophy in the modern world is discussed. The relationship is considered on the example of the works of famous philosophers of the early XX century – early XXI century. The points of contact and fusion of religion and philosophy in the modern world are traced.

Ключевые слова: философия, религия, наука, взаимоотношение

Keywords: philosophy, religion, science, relationship

Исторически религия в виде мифологии предшествовала философии, а когда философия начала узурпировать ту же область знаний, что и религия, отношения между ними приняли форму дебатов. Прежде всего, необходимо четко определить понятия «религия» и «философия».

Религия - это мировоззрение, мироощущение, мировосприятие и связанные с ними формы человеческого поведения и концептуализации, определяемые верой в существование Бога, сверхъестественного царства, выраженного как Бог в зрелой форме религии. Религия - это, по сути, разновидность идеалистического мировоззрения».

Философия - особая форма мировосприятия, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия во всех его основных проявлениях, а также о наиболее общих и фундаментальных чертах отношения человека к природе, обществу и духовной жизни». Философия стремится рациональными средствами создать предельно общую картину мира и места человека в нем.

Именно XIX век интересен возникновением новых отношений между религией и философией, а именно философии религии. Давид Штраус выступал за создание религии, отвечающей критериям научности, основанной на философии. Такая философия должна была объединить разум и веру, писал Н.А. Бердяев «Философия должна быть свободной, должна искать истину, но именно свободная философия, философия свободы приходит к тому, что лишь религиозно, лишь жизни цельного духа дается истина и бытие».[5.37] В.С. Соловьев, считая, что вера важнее философского знания и науки, призывал к созданию новой «религиозной метафизики», которая бы гармонизировала религию, философию и науку.

Однако не все ученые были сторонниками такого слияния: М.А. Бакунин считал, что религия никогда не сможет достичь уровня мышления, присущего науке. Макс Шелер, напротив, называл религиозное знание самым важным и противопоставлял его философскому и научному. [4,7] Э. Мах считал, что и религия, и философия должны быть исключены из науки. [4,7]

Интересна точка зрения В. Виндельбанда. Она уравнивает два взаимно несовместимых аспекта и признает существование множества философий, основанных на различных системах знаний.

Именно это явление существует и по сей день и решает проблему границы между религией и философией.

Многочисленные факты уникального распространения, взаимопроникновения и

взаимоусиления философских и религиозных идей свидетельствуют о сходстве и общности философии и религии. В таких концепциях и учениях очень сложно разграничить философское и религиозное содержание. Приведем несколько примеров, подтверждающих это. Логос Гераклита - "единая и единственная мудрость, управляющая всем сущим"[1,25] и просвещающая человеческую душу, - это религиозная интуиция или философская концепция? А само Благо, центр идеального мира Платона, стоящее перед идеальной сущностью (Формой), источник разума, бытия и мысли, невыразимая красота, заставляющая трепетать сердце философа, - это продукт религиозного чувства или философская концепция? Где находится экстатическое "видение"[1,45] Единого у Плотина или доктрина Августина о Боге как "живой истине"? Аналогичные вопросы можно задать и в отношении ключевых концепций основных философов Нового времени: материя как первопричина, мировой дух или мировой интеллект, универсальная воля, идея трансцендентального и трансцендентности и так далее. Философия и религия здесь повсеместно настолько переплетены, что невозможно провести четкую демаркационную линию между ними.

Проанализировав взаимоотношения религии и философии в соответствии с критериями, характеризующими их природу, мы можем сегодня сказать, что обе эти категории являются составными частями духовной культуры человечества. Реальность сегодняшней жизни такова, что без понимания религиозного знания, без осознания детерминант добра и сострадания будущее человечества невозможно. И не случайно религия в России XXI века возрождает русскую философию религии, имевшую место в конце XIX - начале XX века.

Философия особенно похожа на религию тем, что стремится создать доктрину бытия как универсального совершенства. Это учение органично включает в себя антропологическую составляющую, в том числе интеллектуальный плод понимания уникальности человеческой природы, места и роли человека в мироздании. [3,54] Рассматривать человека как одну из составляющих природного мира - значит заниматься малосодержательной непродуктивной деятельностью.

Чтобы вывести универсальное единство бытия, философ должен учитывать, что помимо объектов и сил природы существуют также сущности и силы духовных идеалов, активно проявляющиеся в бытии.

Философия - это не только систематизация и обобщение всех специальных научных знаний, основанных на самодостаточности познавательных ресурсов и строгой и последовательной рациональности. Религия также не означает слепого принятия набора непонятных, догматических и в принципе непроверяемых представлений о Боге. Поэтому неправомерны утверждения, основанные на ложном суждении о принципиальном качественном различии религиозных и философских верований. [6,78]

Религия, философия и наука - это триединство, которое может создать новое мировоззрение для человечества. Ведь какими бы рациональными и разумными мы ни были, в глубине души мы верим в Бога или во что-то сверхъестественное. Это может быть "повествование" о духах наших предков или исследовательское любопытство.

Несомненно, религия и философия - взаимосвязанные и неразделимые сферы духовной жизни человечества с его стремлением познать мир, Вселенную и самого себя.

Восстановление духовной культуры человечества должно начинаться с высшего познания мира, бессмертия души и любви к мудрости. Это возможно только через гармонизацию таких ценностей, как религия и философия, которые формируют человеческий образ мира и являются неотъемлемыми формами общественного сознания.

Библиографический список:

1. Аристотель. Метафизика / Соч. в 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 43-48.
2. Досократики. – Минск: Харвест, 1999. – С. 24-27.
3. Драч Г. В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 2003. – С. 49-59.
4. Савицкая Т.В. Философия и религия: точки пересечения и демаркация / Т.В. Савицкая // Вестник КРАУНЦ. – 2013. - № 2. – С. 84-96.
5. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев; [Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова; Журн. "Вопр. философии" и др.]. - М. : Правда, 1989. - 607 с., [1] л. портр. / Философия свободы. 3-253 с.

6. Франк С. Философия и религия "Проблемы духовной культуры и религиозной философии", - М., 1999.

Шолохов А.Е.
Sholokhov A.E.

Студент II курса Ульяновского технического университета, г. Ульяновск

Волков М.П.
Volkov M.P.

науч. рук., д-р философ. наук, доцент, проф. Кафедры «Философия» УлГТУ, г. Ульяновск

УДК 130.2:008

ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

VALUES OF THE CULTURE OF TECHNOGENIC CIVILIZATION

Аннотация. Обсуждается проблема возникновения техногенной цивилизации, предпосылки и становление. Выясняется, что является основными ценностями для техногенной цивилизации.

Annotation. The problem of the emergence of technogenic civilization, prerequisites and formation are discussed. It turns out what are the main values for a technogenic civilization.

Ключевые слова: культура, ценности, цивилизация, техногенный.

Keywords: culture, values, civilization, technogenic.

Слово «цивилизация» происходит от латинского слова «государство». Впервые это понятие использовал французский экономист Виктор Риккетти в середине XVIII века. Мирабо же подразумевал под «цивилизацией» общий уровень культурного развития. [2,61] В эпоху Просвещения — это понятие ассоциировалось с понятием прогресса, которое постепенно стало расширяться. Однако постепенно это понятие стало расширяться. Цивилизация стала отождествляться не только с уровнем культуры, но и с уровнем материального благосостояния. Цивилизация стала отождествляться не только с уровнем культуры, но и с уровнем материального благосостояния, а также с уровнем интеллектуального и социального развития. В начале XIX века о цивилизации заговорили еще больше. Это привело к возникновению следующей идеи; признается многообразие цивилизаций народов мира. [2,68]

Таким образом, термин «цивилизация» имеет три значения.

1. Он является синонимом слова «культура».
2. Уровни, ступени общественного развития, материальная и духовная культура.
3. античная цивилизация (древнеегипетская цивилизация).

Понятие "техногенный" появилось в отечественной научной литературе сравнительно недавно, около 15 лет назад. В настоящее время оно широко используется. При анализе литературы видно, что каждый исследователь вкладывает в термин "техногенный" свой смысл. Трактовки понятия различаются, особенно в работах ученых в области философии, экологии и социальных наук. В большинстве работ термин "техногенный" приравнивается к терминам "технический", "технологический" и "техногенный"[3,89], но эти термины имеют разную смысловую нагрузку. Например, "технический" означает состоящий из средств труда (орудий, машин и механизмов) и технологий, используемых для производства материальных и психических благ, а "технологический" - основанный на серии операций, выполняемых в определенном порядке с помощью технологий, необходимых для достижения поставленных целей. Таким образом, "техно-технология" - это результат сложного взаимодействия техники и технологии. Таким образом, мы исходим из того, что понятие "техногенный" - это описательная характеристика, применяемая к понятию, которое описывает технико-технологическую природу объекта, процесса или явления и указывает на взаимозависимость результатов сложного взаимодействия техники и технологии. [3,84]

Культура и общество всегда находятся в устойчивой взаимной связи и в постоянном взаимодействии. Чтобы изучить влияние технологических факторов на развитие культуры, необходимо проанализировать, как трансформируется общество под их воздействием. Концепция техногенного общества выдвинута во многих работах в области социальной философии и социологии (Д. Белл, В.С. Степин, Е.С. Демиденко, О. Тоффлер). [4,12] При трактовке понятия "техногенное общество" подразумеваются общество, природная среда и техносфера, объединенные

социально-технологическими, природно-технологическими, технико-технологическими, экономическими, научными и культурными связями на индустриальном и постиндустриальном революционных этапах исторического развития. Объединение техногенных обществ образует техногенное глобальное сообщество.

Каждый тип цивилизационного развития характеризуется особенностями соответствующего типа культуры. Эти особенности выражаются в системе руководящих принципов базовых ценностей и мировоззрения. В разных типах общества и разных национальных культурах эти принципы могут видоизменяться или меняться, но, тем не менее, они сохраняют некоторые общие черты как глубинные константы.

Возникновение техногенной цивилизаций было подготовлено различными мутациями традиционных культур. Первая из них произошла в античности и связана с культурой античного полиса, который принадлежал к традиционным обществам, но был их своеобразным типом. В полисе было создано множество цивилизационных изобретений, но важнейшими предпосылками для дальнейшего прогресса стали появление теоретических наук и опыт демократического регулирования общественных отношений. [5,274]

Вторая важная мутация в истории традиционной культуры, повлиявшая впоследствии на формирование технологической культуры, характеризовалась пониманием того, что человек создан по образу и подобию Божьему, любовью к Христу и трактовкой человеческого разума как малой копии божественного разума, способного понять замысел Бога о творении. [5,274]

Интеграция достижений античной культуры и христианских культурных традиций в эпоху Возрождения и развитие этих идей в эпоху Реформации и Просвещения сформировали систему ценностей технологической цивилизации.

В целом они выступали в качестве смысловых и жизненных ориентиров, определявших воспроизводство и динамизм этой цивилизации. Среди наиболее значимых ценностей и смыслов этой цивилизации можно выделить следующие:

1. Понимание человека как активного существа, противостоящего миру в преобразующей деятельности;
2. Понимание самой деятельности как творческого и инновационного процесса, направленного на преобразование внешних объектов и обеспечение власти человека над ними; и
3. Признание природы как упорядоченного поля объектов, которые выступают в качестве материалов и ресурсов для преобразовательной деятельности;
4. Ценность активной самодеятельности
5. Ценность инноваций и прогресса
6. Ценность научной рациональности

Особое положение научной рациональности в системе ценностей технологической цивилизации и особое значение научно-технического мировоззрения объясняется тем, что научное познание мира является условием его преобразования. Научное знание порождает веру в то, что человек, открыв законы природы и социальной жизни, может организовать природные и социальные процессы в соответствии со своими целями. В процессе развития современной культуры и последующих технологических обществ категория научности приобретает особый символический смысл. Она признается необходимым условием процветания и прогресса. Ценность научной рациональности и ее позитивное влияние на другие сферы культуры становится характерной чертой жизни технологизированных обществ.

Таким образом, технологическую цивилизацию можно назвать цивилизацией, в которой человек является реформатором всего окружающего мира, а масштаб его преобразующей деятельности напрямую зависит от развития науки и техники. Наука и техника все больше влияют на жизнь самого человека и общества.

Библиографический список:

1. Гиренок Ф.И. Кризис современной цивилизации: Выбор пути. М.,1992. 125 с.
2. Дилигенский Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? Г.Дилигенский // Цивилизации. -М.: Наука, 1993. – Вып. 2. – С. 61-79.
3. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Философские основания гуманитарно-технологической революции. Философские науки. 2019. 62(4). С. 76–95.

4. Новиков А.С. Анализ применения понятий «техногенный», «техногенная культура», «техногенное общество» в философии и общественных науках // Фундаментальные и основные исследования в современном мире. Материалы VIII Международной научно практической конференции. – СПб, 2014. - С.11-13.

5. Степин В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф.Кузнецова. - М.: ИФ РАН, 1994. – 274 с.

Аленьков Михаил Васильевич**Alenkov Mikhail Vasilievich**

студент 4 курса

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
кафедра теологии и религиоведения, г. Курск, Россия

УДК 177.7

**О МЕСТЕ ЧЕЛОВЕКА И ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТЕЙ В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА МАКСА ШЕЛЕРА****THE PLACE OF MAN AND THE HIERARCHY OF VALUES IN MAX SCHELER'S
AXIOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD**

Аннотация. Исследование посвящено анализу влияния философских взглядов Макса Шелера на аксиологическую картину мира, где особое внимание уделено месту и роли человека. Целью данной работы является изучение ключевых аспектов аксиологии Шелера и их влияния на современное понимание моральных и этических норм в контексте человеческой деятельности.

Abstract. The study is devoted to the analysis of the influence of Max Scheler's philosophical views on the axiological picture of the world, where special attention is paid to the place and role of man. The purpose of this work is to study the key aspects of Scheler's axiology and their impact on the modern understanding of moral and ethical norms in the context of human activity.

Ключевые слова: феноменологический подход, аксиология, концепция ценностей, этика, мораль, человек как существо любящее.

Keywords: phenomenological approach, axiology, concept of values, ethics, morality, man as a loving being.

Макс Шелер, выдающийся представитель феноменологии и один из основателей аксиологии, разработал уникальную систему ценностей, которая существенно повлияла на развитие философской мысли XX века. Основной вклад Шелера в философию заключается в исследовании природы ценностей и их иерархии, а также в анализе способов, через которые эти ценности воспринимаются человеком. Приведем следующие ключевые моменты шелеровской антропологии:

1. Шелер предложил концепцию, согласно которой ценности существуют объективно и независимо от человеческого сознания. Он классифицировал ценности на духовные и материальные, при этом духовные ценности занимают верхнюю ступень его иерархии. «Ценности – это те предметы, которые человек непосредственно “видит своим чувственным взором” [2]. Это подход можно рассмотреть через несколько ключевых аспектов:

Объективность ценностей: Шелер утверждал, что ценности существуют объективно и не зависят от субъективных ощущений или перцепций индивида. Они не создаются человеческим сознанием, а “обнаруживаются” через процесс интуитивного восприятия. Эта идея отличает его от релятивистских и субъективистских теорий, предлагая универсальную основу для морального суждения и этической оценки.

Иерархия ценностей: Шелер разделял ценности по уровням строгой иерархии. В верхней части этой иерархии находятся духовные ценности, такие как святость, правда и красота, которые Шелер считал наиболее универсальными и независимыми от чувственного опыта. На промежуточном уровне размещаются жизненные ценности, связанные с жизненным успехом и благополучием, например здоровье и благосостояние. На нижнем уровне находятся чувственные удовольствия, которые являются наиболее эфемерными и субъективными.

Восприятие ценностей: Шелер подчеркивал, что восприятие ценностей происходит через эмоциональный опыт, который он называл “чувственным взором”. Это означает, что ценности не просто познаются умом, но и ощущаются сердцем. Эмоции, такие как любовь, страх, гордость и уважение, играют ключевую роль в раскрытии ценностных качеств объектов или действий [1; 9]. Этот процесс, который он называл “феноменологической интуицией”, позволяет человеку непосредственно “ощущать” и “переживать” ценности через эмоциональные реакции. Человек не просто реагирует на стимулы, но активно и осмысленно взаимодействует с ценностями, делая моральный выбор возможным и значимым.

Применение в этике: Шелеровская идея объективной иерархии ценностей предоставляет фундамент для объективной моральной оценки действий и мотиваций. В этом смысле она предлагает возможность для разработки универсальной этической теории, которая опирается на фундаментальное понимание человеческой природы и её стремления к высшим ценностям.

Таким образом, теория ценностей Шелера предлагает мощный инструмент для понимания моральных аспектов человеческой деятельности, подчеркивая важность духовных аспектов в жизни человека и предоставляя философский аппарат для анализа этических дилемм.

2. В работах Шелера человек предстает не только как субъект, воспринимающий и оценивающий ценности, но и как существо, способное осуществлять выбор на основе этих ценностей - человек как аксиологический центр. “Человек отличается от других существ своей способностью к аксиологической интуиции, через которую он приобщается к миру ценностей” [3]. Этот подход подчеркивает аксиологическую роль человека в мире, основываясь на способности к глубокому эмоциональному и интуитивному взаимодействию с ценностями.

Шелер видел человека как морально автономное существо, способное самостоятельно определять свои действия на основе воспринятых ценностей. Эта автономия не абсолютна, она ограничена иерархией ценностей, которую человек воспринимает. Таким образом, выбор, который делает человек, не является случайным или полностью субъективным; он укоренен в объективной структуре ценностей [6].

Способность человека к интуитивному восприятию и выбору ценностей накладывает на него ответственность за свои действия. Шелер подчеркивал, что моральная ответственность возникает из осознания человеком своего уникального места в аксиологической структуре мира. Человек ответственен не только за соблюдение или отклонение от общепринятых норм, но и за постоянное стремление к духовному росту и развитию.

В контексте аксиологии Шелера, личностное развитие человека тесно связано с его способностью осознавать и стремиться к высшим ценностям. Человек развивается, углубляя своё понимание и взаимодействие с ценностями, что приводит к более зрелой и осмысленной жизни.

Шелер также размышлял о том, как индивидуальное восприятие ценностей влияет на социальные структуры. Через свои выборы и действия, основанные на личном восприятии ценностей, человек способен влиять на общественные нормы и ценности, постепенно трансформируя их.

Таким образом, в философии Шелера, человек представляется не только как пассивный наблюдатель или исполнитель социальных норм, но как активный участник в формировании аксиологической реальности, в которой моральные и духовные ценности играют определяющую роль.

3. Шелер использовал метод феноменологии для анализа способов, которыми ценности становятся явными для человека. Это включает в себя эмоциональное переживание, которое Шелер считал основным механизмом осознания ценностей. “Эмоциональное восприятие ценностей является основой для морального действия” [3]. Этот подход позволяет глубоко понять, как человек взаимодействует с ценностями, опираясь на непосредственное, интуитивное, и часто эмоциональное осознание этих ценностей. Рассмотрим более подробно ключевые элементы его подхода.

Понимание того, как люди воспринимают и оценивают ценности, может быть крайне важным в областях, где требуется глубокое понимание человеческих мотиваций и поведения, например, в психологии, образовании, искусстве, и этике [1].

Таким образом, феноменологический подход Шелера к восприятию ценностей подчеркивает не только роль интуиции и эмоций в моральном сознании, но и предлагает более глубокое понимание того, как человек взаимодействует с моральными ценностями в своей жизни. Это взаимодействие становится основой для разработки моральной философии, которая стремится быть более чувствительной к личному опыту и эмоциональной жизни человека.

4. Идеи Шелера о месте человека в аксиологической картине мира продолжают влиять на современные дискуссии о природе этики и морали, особенно в контексте межкультурного диалога и глобальных этических вызовов [4; 7].

Хотя Шелер говорил об объективности ценностей, он также подчеркивал уникальность их восприятия каждым человеком через личные эмоциональные опыты. Это подчеркивает важность понимания культурных различий в этическом контексте и может помочь в построении мостов между разными культурными и моральными системами. Различное восприятие ценностей в разных

культурах требует чуткого и уважительного подхода в международных и межкультурных взаимодействиях [1; 3; 6; 9].

Идеи Шелера о центральной роли эмоций в осознании ценностей обновляют взгляд на моральные чувства и их роль в этическом поведении. В современной этической науке и психологии это подтверждается исследованиями о том, как эмоции влияют на моральные решения. Понимание того, что эмоции могут быть источником моральной интуиции, помогает в разработке более эффективных методов этического образования и тренингов, особенно в сферах, где требуется высокая степень эмпатии и моральной отзывчивости, например в медицине и социальной работе.

Макс Шелер предложил глубокий и многослойный подход к пониманию места человека в аксиологической картине мира. Его философия подчеркивает важность духовных ценностей и предоставляет фундамент для более осознанного и ответственного отношения к этическим решениям в современном мире. Исследование его трудов остается актуальным для развития философской мысли и практической этики.

Библиографический список:

1. Шелер М. О природе симпатии // Шелер М. Избранные произведения. М.: ГНОЗИС, 1994.
2. Шелер М. О природе ценностей (1913) // Шелер М. Избранные произведения. М.: ГНОЗИС, 1994.
3. Шелер М. Этика и аксиология (1916) // Шелер М. Избранные произведения. М.: ГНОЗИС, 1994.
4. Шелер М. Положение человека в Космосе / М.Шелер; [пер.с нем.; общ.ред. П.С.Гуревич]. – М.: Прогресс, 1988. – 552с
5. Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избранные произведения. М.: ГНОЗИС, 1994.
6. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей (фрагменты) // Шелер М. Избранные произведения. М.: ГНОЗИС, 1994.
7. Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // Шелер М. Избранные произведения. М.: ГНОЗИС, 1994.
8. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение. М.: Логос, 2002
9. Малинкин А.Н. Любовь и радость в философии Макса Шелера. Человек. 2016. № 4. С. 103-

Спирк Л.Г.
Spirk L.G.

ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина»

Гарбузов М.И.
Garbuzov M.I.

ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина»

УДК 811.133

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ТЕКСТЕ

LINGUISTIC FEATURES OF INTERTEXTUALITY IN THE TEXT

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теории интертекстуальности с точки зрения лингвистики. Изучение интертекстуальности представляется важным как в теоретическом, так и в практическом отношениях. Эта многомерная категория текста имеет непосредственный выход к решению актуальных проблем литературоведения, целостному восприятию авторского индивидуально-личностного стиля.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the theory of intertextuality from the point of view of linguistics. The study of intertextuality is important both theoretically and practically. This multidimensional category of text has a direct way out to solving urgent problems of literary criticism, a holistic perception of the author's individual and personal style.

Ключевые слова: интертекст, Юлия Кристева, Ролан Барт, Михаил Бахтин

Keywords: intertext, Julia Kristeva, Roland Barthes, Mikhail Bakhtin

Термин интертекстуальность был введен лишь в 1960-х годах французским филологом Ю. Кристевой. История возникновения данного термина соотносится с концепцией диалогизма М. М. Бахтина, согласно которой текст можно представить «как реплику некоторого диалога» [2, с. 87]. Бахтин убежден, что «изучать слово в нем самом, игнорируя его направленность вне себя, – так же бессмысленно, как изучать психическое переживание вне той реальности, на которую оно направлено и которую оно определяется» [2, с. 105].

Ю. Кристева, являясь представителем школы французского структурализма, понимает текст гораздо шире, нежели как вербальный текст. Она включает в понятие текста такие экстра-лингвистические реалии, как история, культура, сама жизнь. Схожих взглядов придерживается Р. Барт, который пишет: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык.

Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [1, с. 78]. Однако столь широкое понимание текста навлекло на себя критику многих филологов, считавших такое толкование текста и интертекстуальности неприемлемым с точки зрения практического анализа текста.

И. В. Арнольд определяет интертекстуальность как отражение непрерывного процесса взаимодействия текстов и мировоззрений в общей цепи мировой культуры. Реализация интертекстуальности происходит за счет включения фрагментов или целых текстов с изменением субъекта речи, в виде цитат, аллюзий, реминисценций и других лексических заимствований [3, с. 14].

Интертекстуальность включает не только (вербально-) текстовые параметры, это объемная категория, которая апеллирует к различным информационным образованиям, находящимся у нас в тезаурусе. Таким образом, читатель является не пассивным реципиентом, а, напротив, активным

участником в процессе интерпретации текста, нередко привнося в него новые смыслы, которые могли не осознаваться самим автором текста.

«...Интертекстуальность – это слагаемое широкого родового понятия, так сказать, интертекстуальности... имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст» [5, с. 11].

Тексту, как пишет Р. Барт, присуща множественность, у текста «не просто несколько смыслов <...> в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая – множественность неустранимая, а не просто допустимая – текст пересекает их, движется сквозь них, поэтому он не поддается даже плюралистическому толкованию, в нем происходит взрыв, рассеяние смысла. Действительно, множественность текста вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а, если можно так выразиться, пространственной многолинейностью означающих, из которых он соткан (этимологически текст и значит ткань)» [5, с. 417–418].

Стоит, однако, при этом учитывать, что степень знания прецедентного текста у читателей может сильно варьироваться, к тому же ассоциации в любом случае будут разными в силу субъективности прочтения. Таким образом, если автору необходимо соотнести свое произведение с определенной темой или эмоциональным переживанием, рассматриваемым в прецедентном тексте, писатель старается использовать ряд намеков, которые, прочитанные вместе, провели бы читателя в нужном направлении при сопоставлении двух текстов.

П. Х. Тороп вводит понятие интекста для обозначения включения из прецедентного текста: «Некоторая часть текста, связывающая данный текст (часть текста) с другим текстом (частью текста), требует узнавания. Для интерпретации такой части необходимо выявить ее функцию в тексте, а также фиксировать актуальную связь с исходным текстом. Текст, представленный какой-то своей частью в другом тексте, становится тем самым описываемым текстом, метатекстом. В данной работе используется понятие интекста как семантически насыщенной части текста, смысл и функция которой определяется по крайней мере двойным описанием» [5, с. 39].

Н. А. Фатеева основываясь на классификации, предложенной Ж. Женетт, выделяет шесть основных классов интертекстуальных элементов:

Первый класс – «текст в тексте», включающий в себя цитаты и аллюзии с атрибуцией и без нее. Второй класс включает в себя паратекстуальные элементы в виде заглавия, эпитафий, послесловия; третий – пересказ, вариации и дописывание чужого текста. Четвертый класс представлен пародией, а пятый – архтекстуальностью, как жанровой связью текстов. Шестой класс «включает интертекстуальные явления, которые ранее не описывались: интертекст как троп, интермедийные тропы, заимствование приема, влияния в области стиля» [6, с. 25–38].

В журналистских текстах автор может пользоваться цитатой как элементом словаря. В этом случае неатрибутированная цитата используется как первичное средство коммуникации. Например, в неоднозначном выпуске журнала «Крокодил» Николаевский. Г используют цитаты-реплики из Пушкина. Так, введенные им Герои «Толстый» и «Пашкин» за обедом обмениваются пушкинскими строками: «Толстый - Пашкину: «Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюбленных узнаю по их глазам». Пашкин - Толстому: «...все-таки «с отвращением читая жизнь мою», я трепещу и проклиная, и горько жалуясь...». Частично искаженные цитаты-реплики имитируют у Николаевского разговорную речь образованных людей и воспроизводят акт припоминания. [4]

К собственно интертекстуальным элементам, образующим конструкции «текст в тексте», относятся и аллюзии. Аллюзия - заимствование определенных элементов прецедентного текста, по которым происходит их узнавание в интертексте, где и осуществляется их предикация. Возьмем, к примеру, аллюзию, ориентированную на «школьные цитаты» у В. Нарыжкиной в репортаже «План первого лица. И второго»: «Я говорил, что в красоте жить нельзя, что ничего не получится», - это слова интервьюируемого, который носит закодированную фамилию Достоевский (на самом деле в конце под этим псевдонимом скрывается ряд современных публицистов). Из элементов «красота» и части фамилии героя «Достоевский» складываем классические слова Достоевского «красота спасет мир», которые в общем хаосе цитат и аллюзий безумного репортажа с конференции «Проблемы прозы в постмодернской ситуации» сразу снижаются на несколько регистров, получая общий признак «наоборот», так как далее следует: «Она указала туда, где была красота. В том месте, где все было для красоты, красоты не было».

От цитаты аллюзию отличает то, что заимствование элементов происходит выборочно, а целое выказывание или строка прецедентного текста, соотносимая с новым текстом, присутствуют в

нем как бы «за текстом». В случае цитации автор преимущественно эксплуатирует реконструктивную интертекстуальность, регистрируя общность «своего» и «чужого» текстов, а в случае аллюзии на первое место выходит конструктивная интертекстуальность, цель которой организовать заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры текста. Подобное происходит, например, когда поэт повторяет строки своих предшественников, как бы создавая иллюзию продолжения их стиля. Например, в стихотворение Б. Ахмадулиной «Я завидую ей - молодой ... по над невской водой» вписаны (с коммуникативным переносом и перестановками) части строк Ахматовой: «Где статуи помнят меня молодой, / А я их под невскою помню водой» [6]. Восстановление предикативного отношения в новом тексте происходит на основании «памяти слова»: комбинаторной, звуковой и ритмико-синтаксической.

Сознательная аллюзия представляет собой такое включение элемента «чужого» текста в «свой», которое должно модифицировать семантику последнего за счет ассоциаций, связанных с прецедентным текстом; если же при таких изменениях смысла не обнаруживается, то имеет место бессознательное заимствование.

Как и цитаты, аллюзии могут быть атрибутированными или неатрибутированными. Атрибуция, как в случае «Достоевского», бывает не прямой, а «зашифрованной»; неатрибутированность же может не ощущаться как таковая при сильной насыщенности цитат данного автора в тексте.

Нередко атрибуция представляет собой загадку. С подобным явлением встречаемся в тексте «Памяти Демона» Б. Пастернака. Текст Пастернака полон аллюзий к «Демону» Лермонтова. Здесь «интертекстуальный объект» атрибутируется при помощи аллюзий, в том числе и интермедийных: «Фаусту прикидывался пуделем, / Женщиной к пустынною входил. / Простирал над сумасшедшим Врубелем / Острый угол демоновских крыл». Такие же бесподлежащие конструкции есть и у Пастернака: «Приходил по ночам / В синеве ледника от Тамары, / Парой крыл намечал. / Где гудеть, где кончатся кошмару». Таким образом, свойством нести аллюзивный смысл обладают не только единицы лексического уровня, но и грамматического, а иногда даже словообразовательного. [5]

Интертекстуальные связи выполняют важную роль в установлении коммуникации между различными художественными произведениями, они оживляют в памяти минувшие времена и связывают нас с художественной жизнью других стран на любом из этапов ее развития. Связь эпох и культур позволяет по-иному рассмотреть уже известную читателю тему; процесс интерпретации интертекстуальных связей делает чтение более интересным, насыщает произведение дополнительной информацией и экспрессией и вводит нас в новые, еще не изученные, пространства. При грамотной организации учебного процесса студенты будут мотивированы и успешны в обучении.

Библиографический список:

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – Москва: Просвет, 1993. – 103 с.
2. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – Москва: Научная литература, 2001. – 650 с.
3. Брилева, И.С. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева. – МГУ: Кратор, 2004. – 119 с.
4. Гривель, Ш. Шарль Гривель – опыт, теория / Ш.Гривель. – Москва: Научная литература, 1994. – 900 с.
5. Грессе, М. Интертекстуальность / М. Грессе. – Новосибирск: Краус и ко, 2009. – 438 с.
6. Интертекстуальность. теория и практика / под ред. В.В.Гореева. – 3-е издание – М.: Научное просвещение, 2008 – 900с.

Спирк Л.Г.
Spirk L.G.

ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина»

Безруков Н.А. Bezrukov N.A.

ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина»

УДК 811.03

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ПРИЕМЫ ВЕДЕНИЯ ПОЛЕМИКИ

PROHIBITED METHODS OF CONDUCTING POLEMICS

Аннотация. В данной статье рассматривается одна из центральных проблем современной русской риторики: запрещенные приемы ведения полемики. В статье акцентируется внимание на значении спора в жизни, науке, в государственной и общественной деятельности. Спор представляет собой важное средство прояснения и разрешения вопросов, вызывающих разногласия, лучшего понимания того, что не является в значительной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования. Если даже участники спора не приходят в итоге к согласию, в ходе спора они лучше уясняют как позиции другой стороны, так и свои собственные.

Abstract. This article examines one of the central problems of modern Russian rhetoric: prohibited methods of conducting polemics. The article focuses on the importance of the dispute in life, science, in government and public activities. The dispute is an important means of clarifying and resolving issues of disagreement, a better understanding of what is not largely clear and has not yet found a convincing justification. Even if the parties to the dispute do not come to an agreement in the end, during the dispute they better understand both the positions of the other side and their own.

Ключевые слова: спор, дискуссия, полемика, запрещенные приемы полемики

Key words: dispute, discussion, polemic, prohibited polemic techniques

Мир, в котором живет современный человек, соткан из противоречий. По этой причине он более полемичен, чем когда-либо прежде. Будущее человека в значительной степени зависит от того, сумеет ли он – человек – сделать жизненной ценностью плодотворное и эффективное решение спорных вопросов в самых разных сферах человеческой жизнедеятельности в политике, бизнесе, науке, между поколениями, представителями разных культур и т.д.

Большим упрощением было бы думать, что целью каждого спора может быть только истина или, по меньшей мере, достижение общего согласия по нерешенным проблемам, оказавшимся источником спора. Человек – не только разумное и познающее, но и действующее существо. Действие – это всегда успех или неуспех, удача или неудача. Не следует представлять дело так, что успех достигается только теми, кто ориентируется на истину, и что неудача – неизбежный удел тех, кто не особенно считается с нею. Иногда успех достигается и неправыми средствами. Действие невозможно без оценок: утверждений целей, норм, образцов, идеалов и т. п. Истина является свойством описаний, и спор о ней – это спор о соответствии описания реальному положению дел. Споры об оценках, направляющих действие, не относятся к спорам об истине, поскольку оценки не являются ни истинными, ни ложными. [2]

По своей цели споры делятся на преследующие истину и преследующие победу над противоположной стороной, а по своим средствам они подразделяются на использующие только корректные приемы и использующие также разнообразные некорректные приемы.

Объединяя эти два деления споров, получаем четыре их разновидности, которые можно назвать дискуссией, полемикой, эклектикой и софистикой.

Дискуссия – спор, направленный на достижение истины и использующий только корректные приемы ведения спора.

Полемика – спор, направленный на победу над противоположной стороной и использующий только корректные приемы.

Эклектика – спор, имеющий своей целью достижение истины, но использующий для этого и некорректные приемы.

Софистика - спор, имеющий своей целью достижение победы над противоположной стороной с использованием как корректных, так и некорректных приемов.

Полемика - это не просто спор, а такой, при котором имеется конфронтация, противостояние сторон, идей и речей. Цель полемики иная: необходимость одержать победу над противником, отстоять и утвердить собственную позицию. Она учит подкреплять мысли убедительными и неоспоримыми доводами, научными аргументами.

Полемика существенно отличается от дискуссии, целью которой являются прежде всего поиски общего согласия, того, что объединяет разные точки зрения.

В полемике может применяться гораздо более широкий, чем в дискуссии, спектр приёмов. Большое значение имеют, инициатива, навязывание своего сценария обсуждения темы, внезапность в использовании доводов, выбор наиболее удачного времени для изложения решающих аргументов и т.п.

Благодаря полемике, мы учимся подкреплять свои мысли убедительными доводами, расширяя свое сознание, и находения наиболее правильных способов аргументирования своих мыслей. [1]

Полемика (происходит от греческого *polemikos* – враждебный, воинствующий) – это процедура спора, но спора, приводящего к конфронтации и борьбе принципиально противоположных мнений и подходов в решении определенных проблем.

Полемический спор – это стремление одержать победу над противником во что бы то ни стало, используя все возможные средства.

Остроумный, решительный участник спора побеждает. Застенчивый и слабовольный человек в таком случае проигрывает.

Полемика – это наука, которая учит влиять на людей, убеждать и склонять в нужную сторону.

Полемистов обучают стратегиям, тактам, психологическому влиянию на людей (нестандартному мышлению).

Недопустимых приемов, уловок, аргументов в споре гораздо больше, чем аргументов и приемов корректных. Общепринятой их классификации на данный момент нет. Каждый из нас может стать жертвой запрещенного приема, поэтому следует их знать и быть готовым отразить их. К данной группе приёмов относятся:

- подмена тезиса: один из самых распространённых запрещённых приёмов, который может выражаться в форме расширения или сужения тезиса, его усилении или смягчении и др. формах ;

- использование эмоционально окрашенных понятий: данный приём также довольно широко распространён и может проявляться в бессознательной манере речи многих людей, которые ничего не скажут попросту, а всегда найдут такие слова, которые окрашивают сообщаемую ими информацию в позитивные или негативные тона. В споре этот прием может использоваться сознательно, когда все то, что свидетельствует в поддержку тезиса оппонента, произносится с негативным или пренебрежительным оттенком, а собственные аргументы излагаются в возвышенных выражениях.

- навешивание ярлыков: уловка, близкая к предыдущей, однако отличающаяся от неё тем, что в данном случае рассмотрение доводов оппонента по существу, с точки зрения истинности или ложности, подменяется их оценкой.

- поспешное обобщение: суть приёма заключается в том, что, если оппонент согласился с двумя-тремя конкретными примерами, можно приписать ему и согласие с общим утверждением, которого он, быть может, и не признает.

- пари: суть приёма заключается в том, чтобы взять противника “на испуг”, предложив заключить пари с максимально высокой ставкой за проигрыш;

- диверсия: прием, состоящий в резкой смене темы разговора с целью ухода от неудачной темы;

- затягивание спора: суть приёма в том, чтобы, затягивая время заставить противника потерять терпение и самостоятельно отказаться от продолжения спора;

- замещение: приём, состоящий в том, чтобы свою слабую позицию прикрыть еще более слабой позицией другого человека и направить критику оппонента в сторону от себя. Здесь одновременно используется и подмена тезиса, и диверсия.

- предвзятая интерпретация (двойная бухгалтерия): при использовании данного приёма одни и те же вещи, явления, события характеризуются прямо противоположным образом в зависимости от отношения к ним говорящего;

- заноза: Внешне безобидная фраза, содержащая второй - обидный смысл.
- оскорбления: суть приёма в демонстрации вызывающего поведения с целью вывести противника из себя вышел из себя;
- тормоз (улитка, глухая оборона): приём заключается в позиционировании противоположности между истиной и ложью, между эффективным и неэффективным решениями как расхождения во мнениях, а мнение каждый может иметь свое собственное. [5]

Как следует из вышесказанного, цель перечисленных приёмов не заключается в том, чтобы разобраться в сути дела, решить вопрос, а задеть, оскорбить, обидеть, ввести в заблуждение оппонента. Именно для этого используются запрещённые приёмы. Умение выявлять логические уловки в споре - залог того, что спор, по крайней мере, не будет проигран. Способы нейтрализации таких уловок столь же многообразны, как и сами уловки. Нейтрализация уловки определяется, с одной стороны, характером спора, с другой - характером логической уловки. Главное - разоблачить уловку. Крайне важно сделать это грамотно, т.е. выявить сущность и указать предназначение уловки. После этого течение спора, как правило, становится более конструктивным, поскольку противник понимает, что всевозможные незаконные с точки зрения логики действия будут решительно пресекаться.

Библиографический список:

1. Брозо У.Д. Стратегические решения: Дайте им возможность спорить / Перемена. – 2004. - № 4. – С.48.
2. Введенская Л.А. Деловая риторика / Л.А. Введенская. – Ростов-на-Дону: Мари, 2008. – 416с.
3. Ершова Л.В. Виды дискуссий на уроках гуманитарного цикла / Л.В. Ершова. – Новосибирск: Знание, 2005. – 40с.
4. Заир-Бек С. Поиски смысла и сопротивление стереотипов в образовании / Перемена. – 2001. - № 5. – С.43.
5. Ивик А.А. Теория аргументации / А.А. Ивик. – М.: Гардарики, 2000. – 416с.

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1159